

Среди них выделялась одна девушка — чистая и нежная, словно цветок белой магнолии.

Должно быть, это и есть героиня романа Сяо Лэньюй. И вправду, от неё исходила аура, присущая лишь истинным героиням.

Боевой настрой Бу Юньфэй, только что пылавшей праведным гневом, мгновенно угас.

Героиня! Это же героиня!

В тот миг ей почти захотелось упасть на колени, обхватить ноги героини и прильнуть к ним, словно верный аксессуар.

Если присмотреться, можно было заметить, что на лице нашей императрицы Бу уже промелькнула подобострастная улыбка.

— Сестрица, разве вы не должны быть в Холодном дворце? Откуда вдруг столько свободного времени? — с кисло-сладкой усмешкой процедила Благородная наложница Ли.

Бу Юньфэй, как-никак, была топовым автором древнекитайских романов на портале Цзиньцзян и знала все дворцовые интриги назубок, поэтому могла бы легко поставить на место кого угодно. Но в присутствии героини её дух пал, и бороться не хотелось. Опустив голову, она лишь желала поскорее закончить этот разговор и уйти:

— Понимаешь, я пришла просить за одну женщину. Матушка Жун приехала со мной из родительского дома, у нас с ней давняя привязанность. Если она в чём-то провинилась, надеюсь, сестрица проявит милосердие и не станет взыскивать слишком строго.

На самом деле, женщины в этом дворце привыкли пресмыкаться перед сильными и топтать слабых.

Когда Бу Юньфэй только пришла, наложница Ли немного нервничала. Но теперь, видя, что от былой спеси императрицы не осталось и следа, и что та заговорила с ней вкрадчиво и покорно, она окончательно успокоилась и перешла в наступление:

— Взыскивать? Ха-ха, сестрица, вы думаете, что я наказываю служанку ради себя? Неважно, откуда она взялась, в конце концов, это всего лишь служанка. Захочу — накажу, захочу — казню, мне нет нужды тратить силы на сведение счетов с ней. Но раз уж она, будучи прислугой, посмела дерзить мне, это нарушение дворцовых правил! Я получила указ временно управлять гаремом, и наведение порядка — мой долг!

С этими словами она обвела присутствующих взглядом, острым, словно нож.

Да, она хотела показать свою власть.

Именно поэтому она созвала столько наложниц — чтобы они увидели, как она забивает палками матушку Жун, и тем самым запугать все шесть дворцов: смотрите, я посмела казнить даже матушку Жун, которая когда-то держала в страхе всех красавиц гарема! Отныне я здесь главная.

Разумеется, была и другая причина: она хотела, чтобы все наложницы стали свидетелями казни. Это создало бы иллюзию, что все они единогласно одобрили расправу, и тогда Бу Юньфэй, сидя в Холодном дворце, возненавидела бы не только её одну, а весь гарем целиком. Береженного бог бережет: если вдруг Бу Юньфэй когда-нибудь сможет отомстить, она обрушит свой гнев не на одну Ли, а на весь дворец.

В оригинале этот план сработал безупречно. Глупая императрица Бу, выйдя из Холодного дворца, из-за матушки Жун восстала против всего гарема, сделав всех своими врагами. Из-за этого она погубила свои отличные шансы, стала всеобщей ненавистницей, и даже когда наложницы проводили ночь с императором, они не упускали случая пожаловаться на неё. В итоге героиня шаг за шагом подавляла её, и никто не пришел ей на помощь.

Бу Юньфэй читала оригинал, поэтому всё прекрасно понимала. Раньше, не до конца вжившись в роль, она не чувствовала остроты момента. Но теперь, когда её прилюдно унижали, в ней вскипела ярость.

К тому же она была голодна, а на голодный желудок гнев вспыхивает быстрее.

Да и само тело императрицы Бу было склонно к жару в печени и легких, что лишь добавляло огня.

И вот, она взорвалась:

— У тебя что, с головой проблемы? Наплела тут с три короба, думаешь, это третьесортный роман про гаремные склоки? Кто твой автор? Какой бездарный писака прописал тебе такой характер? Ты хоть историю учила? Хоть раз заглядывала в справочники, чтобы понять разницу между императрицей и наложницей?! Ты сама — лишь ходячая игрушка, перед кем ты тут выпендриваешься?

(Постоянные читатели Бу знали, что помимо основного аккаунта, где она публиковала изящные тексты, у неё был и секретный блог, где она давала волю чувствам: критиковала пороки общества, поучала коллег и разносила в пух и прах любого, кто попадался под горячую руку. Говорили, что это помогало ей сбрасывать напряжение после написания высокопарных текстов).

Наложница Ли, жившая в древности, никогда не видела ничего подобного и от возмущения лишилась дара речи. Первую часть тирады она не поняла, но последнее уловила четко:

— Ты... ты назвала меня... игрушкой?

— Что ты тыкаешь? Пойми уже, я — императрица! Какое право ты, мелкая наложница, имеешь обращаться ко мне на ты? Твой автор что, школьник? — Бу Юньфэй всё больше распалялась. Сейчас каждый, у кого есть клавиатура, возомнил себя писателем, не зная даже элементарных вещей. — И не говори мне, что ты сама не понимаешь, что ты лишь игрушка...

Великий мастер древнекитайского романа хотела было просветить её насчет разницы между императрицей и наложницей, но из-за голода терпения не хватило, и она раздраженно махнула рукой:

— Ладно, лень с тобой разговаривать, я забираю её.

Сказав это, она потянулась к матушке Жун.

Евнухи, державшие старуху, застыли в нерешительности. Они не смели перечить властной наложнице Ли, но и императрицу, пусть даже опальную, боялись тронуть. Пока они растерянно переглядывались, Бу Юньфэй уже потянула матушку Жун за собой.

— Стоять! — рявкнула наложница Ли.

Она не могла позволить Бу Юньфэй уйти. Если та уйдет, её авторитет будет растоптан.

В конце концов, формально именно она сейчас исполняла обязанности управляющей гаремом.

Ли была полна решимости не терять лицо перед остальными наложницами. Глубоко вздохнув, она выпятила грудь и шагнула вперед:

— Сестрица, вы пришли и уходите, когда вздумается, но, кажется, забыли, что вас сослали в Холодный дворец.

Это было прямое объявление войны.

Бу Юньфэй даже бровью не повела:

— Мы с императором — супруги, связанные узами брака. Поссорились, ну и переехала в другое место поспать. Так называемый Холодный дворец — это всё равно наш дом. Хочу приду — хочу уйду. Да что там ссоры, я императору даже лицо в гнев царапала. Такие семейные дела — не то, что должно волновать какую-то игрушку.

Сказав это, она потянула матушку Жун и зашагала прочь, не оглядываясь.

— Ты... — наложницу Ли перекосило от гнева. Но тут же её лицо изменилось, а голос стал нежным и вкрадчивым: — Император... Ваше Величество, приветствую вас!

5. Холодный дворец — рассадник интриг

Все наложницы, служанки и евнухи пали ниц. Бу Юньфэй, моргнув, тоже опустилась на колени, потянутая матушкой Жун.

Император не посмотрел на наложниц, а поднял Бу Юньфэй. На его лице играла редкая, едва заметная улыбка.

Все были поражены.

Включая матушку Жун: она помнила, что лишь когда Бу Юньфэй только прибыла во дворец, император из вежливости к дочери важного сановника одаривал её подобной формальной улыбкой.

Наложница Ли, привыкшая к избалованности, видя, что император, который всегда её баловал, пришел и держит за руку опальную императрицу, не могла стерпеть такого удара по своему достоинству. Не веря своим глазам, она снова поклонилась:

— Ваше Величество, вы пришли. Императрица здесь творит бесчинства, я совсем не справляюсь.

Это было верхом дерзости.

Бу Юньфэй промолчала. Император тоже.

Вокруг воцарилась пугающая тишина.

Ли занервничала и поспешила исправиться:

— Ваше Величество, я получила приказ управлять гаремом, но из-за сестрицы... мне действительно трудно справляться.

Будь на месте Бу Юньфэй прежняя императрица, она бы уже давно устроила скандал. Но нынешняя Бу Юньфэй, будучи автором романов XXI века, обладала куда более высоким эмоциональным интеллектом. Поэтому она продолжала молчать — в присутствии императора острый язык вряд ли принесет пользу.

И действительно, император ответил за неё:

— Раз тебе трудно управлять, просто верни все дела императрице. Она достаточно отдыхала в Холодном дворце, пора ей заняться домашними делами.

Легко и непринужденно он аннулировал ссылку, подчеркнув слово домашними, явно намекая на недавние слова Бу Юньфэй.

Наложницы затаили дыхание.

Все они, прошедшие путь от дочерей наложниц до высоких рангов, были хитрыми лисицами. Отношение императора было очевидным: его сердце вновь склонилось к императрице.

И, кажется, весьма сильно.

Лицо наложницы Ли стало бледным как полотно, руки дрожали. Но послушаться она не смела:

— Слушаюсь.

Дрожащими руками она приказала служанке:

— Принеси печать императрицы.

— Слушаюсь. — Служанка, тоже смертельно бледная, поспешила исполнить приказ.

Император с улыбкой смотрел на Бу Юньфэй и даже потянулся взять её за руку.

Эта императрица сегодня была совсем другой. Может, он действительно всё это время её недопонимал? Оказывается, она не пресмыкалась перед ним и даже царапала его лицо не из-за скверного характера, а потому что... видела в нем мужа, как в обычных семьях, где люди ссорятся, мирятся, ругаются и смеются.

Для императора, который с детства не знал семейного тепла, а лишь козни братьев, такие слова о супружестве и доме отозвались в сердце невыразимым волнением.

Сяо Лэнъюй, героиня, тоже заметила перемены в Бу Юньфэй.

Она была холодной и рассудительной, не любила много говорить, предпочитая наблюдать со стороны.

Сегодня, с того момента, как императрица ворвалась, чтобы спасти служанку, и до того, как она вернула себе печать, Сяо Лэнъюй поняла: эта императрица изменилась.

Неужели ссылка в Холодный дворец так на неё повлияла?

Если эта известная своей деспотичностью императрица действительно поумнела, что ждет гарем в будущем?

Сяо Лэнъюй посмотрела на Бу Юньфэй с легким подозрением.

— Сестрица, прошу, — наложница Ли принесла печать и с глубоким поклоном протянула её Бу Юньфэй.

Печать императрицы.

Это символ власти, уступающий лишь печати самого императора!

В гареме чем больше власти, тем безопаснее.

Бу Юньфэй уже было потянулась за ней, но тут случайно перехватила взгляд Сяо Лэнъюй.

Она тут же отдернула руку.

Хм, хотя печать означает власть и безопасность, но ведь она — героиня! У неё есть сюжетная броня! У неё жизнь по сценарию! Бу Юньфэй, ты что, забыла, чем всё закончилось?! И ты еще смеешь соперничать с ней?!

При мысли о своем печальном финале Бу Юньфэй вздрогнула. Рука, словно обожженная, отпрянула от печати. Она про себя взмолилась: о боги, хорошо, что успела среагировать!

Все снова были поражены.

Император с недоумением посмотрел на неё, ожидая объяснений.

Бу Юньфэй лихорадочно соображала и наконец выдавила:

— Ваше Величество, эти дни в Холодном дворце я много размышляла и поняла, что была слишком вспыльчивой. Я не только оскорбляла ваше величие, но и позорила образ матери нации. Это было недопустимо. Поэтому теперь я хочу лишь совершенствовать свой дух, молясь о процветании страны и вашем здравии.

Посыл был ясен: не хочу я ничем управлять, дайте мне побыть тихой красавицей.

Император опешил, а затем рассмеялся:

— Это не помеха. В гареме и так всё спокойно, забот немного. Возьми печать, принимай решения только по важным вопросам, а в остальное время можешь заниматься самосовершенствованием.

Он сам взял печать и попытался вложить её в руки Бу Юньфэй.

Та снова попятилась:

— Ваше Величество, я смогу обрести душевный покой только в Холодном дворце!

После этих слов все застыли в немом шоке.

Императрица сошла с ума? Она отказывается от печати? И говорит, что покой найдет только в Холодном дворце?

— Ты... ты хочешь там поселиться? — император от ярости рассмеялся.

Бу Юньфэй опустила глаза:

— Прошу вашего милосердия.

Это было сказано искренне: она действительно просила о милосердии, чтобы её больше не тащили на костер власти. Она не хотела бороться за внимание императора, она хотела держаться подальше от центра власти, чтобы выжить, и особенно — не злить героиню.

Император, будучи сыном неба, тоже обладал крутым нравом. Он швырнул печать обратно в руки наложницы Ли:

— Хорошо! Императрица, ты сама этого хотела. Хм! — он развернулся и ушел.

— Проводим императора.

Все в комнате стояли на коленях, не в силах прийти в себя.

Когда император скрылся, все украдкой поглядывали на Бу Юньфэй.

Другие считали её сумасшедшей. Лишь самые проницательные догадались: Бу Юньфэй, выйдя из Холодного дворца, стала хитрее. Разве это не способ привлечь внимание императора игрой в

недотрогу?

Среди них была и Сяо Лэньюй.

Бедная Бу Юньфэй, рискнувшая гневом императора, чтобы вернуть печать и остаться в гареме, с облегчением вздохнула и подобострастно улыбнулась героине, как ребенок, ждущий похвалы за выполненное задание. Но тут же наткнулась на еще более подозрительный взгляд.

Сяо Лэньюй, с её аурой холодной красавицы, смотрела на неё как на ледяную глыбу. Бу Юньфэй почувствовала, как по спине пробежал холодок, и, вспомнив свой финал, едва не рухнула на колени.

Ей хотелось подбежать к ней и завывать: госпожа героиня, я правда не хочу бороться за любовь! Не смотри на меня так, я боюсь! Пощадите!

Конечно, она не могла так поступить, да и Сяо Лэньюй не услышала бы её воплей. В итоге она лишь шмыгнула носом, взяла матушку Жун за руку и, понутив голову, поплелась прочь.

Наложницы, глядя на неё, были в полном замешательстве.

Даже проницательная Сяо Лэньюй не могла понять, что у неё на уме. Но в одном она была уверена: эта императрица притворяется овечкой, чтобы съесть тигра. По её глазам было видно — она больше не та взбалмошная дура.

Конечно, мысли Бу Юньфэй были просты: держаться подальше от власти, задобрить героиню и выжить!

Героиня, кажется, была о ней не лучшего мнения (вернее, очень плохого), и задобрить её сразу не получится. Но Бу Юньфэй умела довольствоваться малым и не спешила. Раз с героиней пока сложно, лучше держаться подальше от центра власти.

Гарем — отличное место для жизни.

На самом деле, как человек из современного мира, она искренне считала гарем неплохим местом!

После окончания университета она пробилась в госслужашие, причем в самое тихое ведомство, только ради того, чтобы работать поменьше и иметь время на писательство. Теперь, будучи опальной императрицей, она имела еду, кров и статус, жила спокойно, никто её не тревожил — разве это не предел мечтаний? Нет, даже лучше, чем пенсия, ведь есть матушка Жун и служанка Пиньэр.

М-да, жизнь просто сказка!

Матушка Жун была верной слугой, её привязанность к Бу Юньфэй граничила с фанатизмом, поэтому, хоть она и хотела, чтобы её госпожа вернула печать, она уважала любое её решение.

А поскольку император проявил к Бу Юньфэй благосклонность, обитатели дворца больше не смели смотреть на неё свысока и выполняли все её прихоти. Матушка Жун старалась вовсю, и Бу Юньфэй расцвела, её щеки порозовели, а вид стал цветущим.

Как говорится, сытый и довольный человек начинает думать об ином, а тут еще и весна пришла. Бу Юньфэй решила, что пора чем-то заняться.

Она хитро сверкнула глазами, представляя сюжеты про императриц и наложниц с сайта Цзиньцзян.

М-м, императрица и наложница — идеальная пара.

М-м, она сама сейчас императрица. Хотя и опальная.

М-м, в Холодном дворце даже лучше. Говорят, это самое подходящее место для женской любви!

Холодный — дворец — наложниц!

Бу Юньфэй сглотнула слюну.

Она выпрямилась и махнула рукой матушке Жун:

— Пойди, позови ко мне всех наложниц из Холодного дворца.

Наложниц из Холодного дворца?

Похоже, императрица задумала что-то интересное!

Матушка Жун, вспомнив о нежных лицах наложниц, оживилась:

— Слушаюсь!

Её ладони уже давно жаждали дела.

6. Вы решаете, госпожа героиня

Холодный дворец никогда не был приятным местом, многие бывшие императрицы и любимые наложницы умирали здесь от жестокого обращения.

Даже прежняя Бу Юньфэй, носившая титул императрицы, терпела издевательства от прислуги. Именно поэтому она заболела, не получила лечения и чуть не погибла. Нет, она погибла. Нынешняя Бу Юньфэй попала в это тело из другого мира.

Но во дворце всё решает император: если ты ему нравишься, никто не посмеет тебя обидеть. Поэтому, когда поползли слухи, что император хочет вернуть ей власть, отношение евнухов и служанок резко изменилось на 180 градусов.

Требование императрицы привести других опальных наложниц было выполнено беспрекословно.

Вскоре матушка Жун привела нескольких женщин.

Их называли наложницами, но они были лишены титулов, выглядели жалко, а их одежда почти не отличалась от нарядов служанок. К счастью, все они были красавицами, и даже грубая ткань не могла скрыть их природного очарования.

У Бу Юньфэй был широкий вкус, так что она осталась довольна.

— Матушка Жун, ты можешь идти, — улыбнувшись, махнула рукой Бу Юньфэй, не сводя глаз с наложниц.

Матушка Жун застыла: неужели она не хочет, чтобы их побили? Госпожа действительно изменилась?

Но как верная фанатка, она привыкла подчиняться.

Поклонившись, она почтительно удалилась, прихватив с собой служанку Пиньэр.

Бу Юньфэй была довольна исполнительностью матушки Жун.

Теперь они остались одни.

Бу Юньфэй прочистила горло и приняла важный вид:

— Вы владеете какими-нибудь талантами? Покажите мне.

Говорят, древние наложницы были мастерицами в музыке, шахматах, каллиграфии и живописи.

Наложницы тут же зашумели:

— Я умею петь!

— Я умею танцевать!

— Я умею рисовать!

— Я, я, я! Я сейчас спою для императора: О, прекрасная любовь, словно вода, утекающая сквозь пальцы...

— Отстань! Что ты поешь! Распутница, опять хочешь соблазнить императора! Ваше Величество, не слушайте её, смотрите на меня! Я станцую танец Небесной феи, я лечу, лечу...

— Отлично, ты танцуй, а я буду рисовать, я напишу портрет танцующей феи...

Они начали толкаться, опрокидывая столы и стулья, разливая тушь. Некоторые уже вцепились друг другу в волосы.

Бу Юньфэй была в шоке.

— Прекратить! Замолчать! И ноги тоже остановите!

Да уж, она поняла: они все сошли с ума!

Бу Юньфэй схватилась за голову.

Она была наслышана об ужасах Холодного дворца, но теперь увидела их своими глазами.

<http://bllate.org/book/19859/1955096>